

А.П.Чехов в воспоминаниях современников

Издательство "Художественной литературы", Москва, 1960

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 25 августа 2002 года

Передо мной три портрета Чехова, каждый выхвачен из куска его жизни.

Первый: Чехов "многообещающий". Пишет бесконечное количество рассказов, маленьких, часто крошечных, преимущественно в юмористических журналах и в громадном большинстве за подписью "А.Чехонте". Сколько их он написал? Много лет спустя, когда Чехов продал все свои сочинения и отбирал, что стоит издавать и что нет, я спросил его, - он сказал: "Около тысячи".

Все это были анекдоты с великолепной выдумкой, остроумной, меткой, характерной.

Но он уже переходит к рассказам крупным.

Любит компанию, любит больше слушать, чем говорить. Ни малейшего самомнения. Его считают "бесспорно талантливым", но кому тогда могло бы прийти в голову, что это имя попадет в число русских классиков!

Второй портрет: Чехов, уже признанный "одним из самых талантливых". Его книжка рассказов "Сумерки" получила полную академическую премию, пишет меньше, сдержаннее; о каждой его новой повести уже говорят; он желанный во всякой редакции. Но вождь тогдашней молодежи Михайловский не перестает подчеркивать, что Чехов - писатель безыдейный, и это влияет, как-то задерживает громкое и единодушное признание.

А между тем Лев Толстой говорит:

"Вот писатель, о котором и поговорить приятно".

А старик Григорович, один из так называемых "корифеев" русской литературы, идет еще дальше. Когда при нем начали сравнивать с Чеховым одного малодаровитого, но очень "идейного" писателя, Григорович сказал:

- Да он недостоин поцеловать след той блохи, которая укусит Чехова.

А о рассказе "Холодная кровь" он сказал, правда почти шепотом, как что-то еще очень дерзкое:

- Поместите этот рассказ на одну полку с Гоголем, - и сам прибавил: - вот как далеко я иду.

Другой такой же корифей русской литературы, Боборыкин, говорит, что доставляет себе такое удовольствие: каждый день непременно читать по одному рассказу Чехова.

В этот период Чехов в самой гуще столичного водоворота, в писательских, артистических и художественных кружках, то в Москве, то в Петербурге; любит сборища, остроумные беседы, театральные кулисы; ездит много по России и за границу; жизнелюбив, по-прежнему скромен и по-прежнему больше слушает и наблюдает, чем говорит сам. Слава его непрестанно растет.

Третий портрет: Чехов в Художественном театре.

Второй период в моих воспоминаниях как-то резко заканчивается неудачей "Чайки" в Петербурге. Словно именно это надломило его жизнь, и отсюда крутой поворот. До сих пор о его болезни, кажется, никогда и не упоминалось, а вот как раз после этого Чехова иначе и не представляешь себе, как человека, которого заметно подтачивает скрытый недуг.

Пишет он все меньше, две-три вещи в год; к себе становится все строже. Самая заметная новая черта в его повестях - это то, что он, оставаясь объективным, изощряя свое огромное художественное мастерство, все больше и чаще позволяет своим персонажам рассуждать, преимущественно о жизни русской интеллигенции, заблудившейся в противоречиях, нежащейся в мечте и безволии. Среди этих рассуждений вы с необыкновенной отчетливостью различаете мысли самого автора, умные, меткие, благородные, выраженные изящно, с огромным вкусом.

Каждый его новый рассказ - уже некоторое литературное событие.

Но главное в этом периоде: Чехов-драматург, Чехов - создатель нового театра. Он почти заслоняет себя как беллетриста. Популярность его ширится, образ его приобретает через театр новое обаяние. Он становится самым любимым, песня об его безыдейности замирает. Его имя уступает только еще живущему среди нас и неустанно работающему великому Толстому.

Но вместе с тем как растет его слава, приближается и его жизненный конец. Каждую новую вещь его читатель встречает уже не с обычной читательской беспечностью, а с какой-то нежной благодарностью, с сознанием, что здесь отдаются догорающие силы.

Три портрета на протяжении восемнадцати лет. Чехов умер сорока четырех, в 1904-м.